

***

Калка такая Калка
если бы им помочь
мы бы смогли помочь

*что говорит отец
грустный сидишь такой*

*крови татарской хочется
очень
очень до боли хочется*

что эта жизнь такая
бейся живи мотайся
на слово верь
но не сдавайся

иначе на тебя положат доски
пьяные татары

из черепа сделают чашу
будут хлестать вино

если бы ты отец
мне сказал
что *надо быть сильнее сейчас*
а не потом
я бы не пошел парням за вином

***

деда Коля трудодни
хоронил в посуде
думал выпил сполосни
и по новой будем

между первой и второй
перерыв пасует
лык не вяжется порой
в разговорах все

дрожжи спирт полутона
половинки радуг
пьётся далеко до дна
мир наотмашь падок

вертит память никотин
словно недотрогу
дослужился до седины
да поближе к Богу

если вспомнить кто был кем
легче и не станет
деда Коля без проблем
умер утром в бане.

***

Боже, пока Ты здесь
между страниц меня,
сделай виднее крест,
листочков не меняй.
Глупость моя слепа,
благослови её.
Строчка – моя еда,
точкой над буквой «Ё».
Всё, что едва начав
памяткой вставь в ладонь,
будет моя печаль
истиной надо мной.
Будет повсюду свет,
может быть, что ещё,
только не строй ковчег,
будет же хорошо.
Только свети в авось,
за руку не ведя.
Только бы этот гвоздь
не задевал Тебя.

***

В тот вечер я читал стихи
грубые,
такие нелепые,
что Серёжа Ивкин сказал:
«на грани фола».
Мне стыдно,
что ты умирала,
а я весело кричал в микрофон,
благодарил одного,
второго,
третьего,
признавался в любви.
А ты умирала.

Было 15 августа –
день смерти Виктора Цоя,
25 лет со дня его смерти,
и я родился двадцать пятого.
Смысла нет в этой математике.
Играли «Алюминиевые огурцы»,
я подпевал и хлопал,
восторженно кричал,
даже насвистывал.
Затем меня поздравляли,
обнимали,
целовали.
Поднимали праздничные тосты,
а ты умирала.
Теперь ищу мелодию,
а пишутся верлибры.
Вышла музыка из меня,
из «лучшего барда» фестиваля.
Музыки хочется для тебя.

Ты умерла на самом деле.
Ты умерла?

Подражание Есенину

Небосвод над Самарой такой голубой,
как красавица-Волга и впрямь голубая.
Расскажи мне, Настюш, что такое любовь,
ни хрена потому что я в ней не смекаю.

Да, запущенный, дерзкий, к тому же небрит,
от противного всё получается, Настя:
этот чёртов закат, этот «грёбаный» вид
за душою моей открывается настезь.

С подоконника лучше смотреть на него,
повернуться – увидеть тебя на кровати,
полюбить нашу жизнь ни с того, ни с сего,
невзначай и тебя, так банальнейше, кстати.

Всё мерещится мне твоя нежность руки
в поцелуях, прогулках, объятьях другого,
не от этого ли полюбил кабаки
с матершинным донельзя, да искренним словом?

Расскажи, как прибрать весь подстрочный бардак
как сверстать мне его понадёжней, получше.
Без тебя не живётся, живётся никак,
сам не свой и не твой, и такой - никакущий.

Мне бы только остаться вот с этой весной,
с бурлаками кораблики в рамочке удить,
и остаться с тобою, остаться с тобой,
где слова твои правы: «такого не будет».

***

Виктории Гуляковой

говорят, что возле большой воды
всем живым, усталым просторно дышится,
но со всех сторон, где бы ни был ты –
ветродуй, солёность у чаек пиршества.

отмотаем время тугим шарфом
незаметно, присно, укачаем в обморок,
обживёмся заново всем тряпьем,
и уткнёмся чайками в бело облако.

история одного забора

Жене Черникову

времечко, время,
время.

дыры в бетонном заборе,
лезут из них собаки.
«четвёртого июля
две тысячи десятого года
Машки/на денюха»
(где дробь, там соединенье плит).

прогнившая и пересохшая
листва, трава
у подножья забора
не шуршит, не пахнет.

заправленное небо в горизонт,
и накрепко надетый,
как штаны,
забор.

говорят, что в душе любовь...
подле забора ни души.